

Театр

1996 - Сентябрь - с. 12 - КУЛЬТУРА

КОНСТАНТИН РАЙКИН:

Мы едем на ярмарку

ИЗ ПЕРВЫХ РУК

Зрители любят "Сатирикон", любят они и Константина Райкина, хорошо знают его как актера, чуть меньше как режиссера и почти совсем не знают как художественного руководителя театра. А ведь именно благодаря ему эстрадные представления в "Сатириконе" уступили место оригинальным драматическим спектаклям по произведениям лучших мировых драматургов. Именно он борется за выживание своего театра, решает художественные проблемы, приглашая режиссеров для новых постановок, и преодолевает финансовые трудности, ведя переговоры со спонсорами. Константин Райкин — настоящий хозяин "Сатирикона" со всеми достоинствами и недостатками этого положения.

Одни театры называют себя коллективом единомышленников, другие считаются командой "звезд". Что вам ближе как актеру и как художественному руководителю?

— Коллектив единомышленников — это вообще утопия. Я долго работал в "Современнике", где идут замечательные спектакли, играют удивительные артисты. Вот там все время говорят, что они — коллектив единомышленников. Но я убежден, что это идеализм. Единомышленники существуют только в офицерском актерском составе, а вчерашний студент, оказавшийся в театральном коллективе, может быть только рядовым. Когда молодой актер приходит в театр, у него нет никаких особенных мыслей о театральном искусстве. Есть только дикое желание работать. Когда меня взяли в "Современник", я был нормальным рядовым. Я был готов броситься исполнять то, что мне дают: сесть, встать, отжаться, побегать. Единомышленниками актеры становятся в процессе долгого творческого сожительства, да и то не всегда.

Честно говоря, на команду "звезд" я тоже не хотел бы ориентироваться. Специально приглашать "звезду" для усиления труппы ни к чему. С моей точки зрения, такая практика порочна, потому что "звезда" не вписывается в коллектив, уже долгое время существующий. Я сам работал у Леонида Трушкина, который часто приглашает на спектакль "звезд". При всем моем замечательном отношении к нему, скажу честно, мне такой театр чужд. Для меня театр — это некое семейное, любовное, долговременное существование, очень тесное. Но это выраба-

тывается годами, и хорошо бы воспитывать "звезд" внутри своего коллектива.

Притом, в коллективе должен быть хозяин, а блюдо под названием "демократия" в театре — вещь сложная. Хозяин предлагает разные составляющие. И одна из них — страх. Если нет страха быть наказанным, изгнанным, осмеянным, нет страха перед авторитетом, тогда ничего не получится в театре. Как правило, людям не хватает собственных сил, им нужны силы внешние. Это вариант непростой и неабсолютный, но для меня приемлемый. Вот к нему я и стремлюсь...

— Как вы можете охарактеризовать семью под названием "Сатирикон"?

— Если одной фразой, то это рабочий театр. Так, как работают здесь, не случается почти нигде. Работа — потная, тяжелая, радостная — не дает преобладать дрязгам и ядовитым взаимоотношениям. Здесь радуются успехам друг друга, чего почти не бывает в актерской среде. Актер — существо довольно странное. Он бывает невероятно великодушен, когда товарищу по профессии плохо, и очень редко прощает успех. Кто-то больше продвигается, кто-то меньше, кому-то дают роль, а кому-то нет. Все страшно переживают, мучаются, но не злобуются или почти не злобуются. Атмосфера "Сатирикона" пока здоровая.

— Театр — живой организм. Он рождается, формируется, достигает пика, потом начинается процесс старения, умирания, а здоровая атмосфера — это признак молодости. Какой период переживает ваш театр?

— Мы едем на ярмарку. Есть такое выражение. Именно еще едем. Потому что если уже приехали, то я бы очень расстроился. Я ее, ярмарку, пред-

Фото А. ЭПШТЕЙНА

ставляю по-другому. То, что мы к ней приближаемся, — да, с этим я согласен, но сама ярмарка, надеюсь, еще далеко. Я по себе сужу. Понимаю, что не юный человек, более того, большую часть своей жизни уже прожил и в профессии тоже, но у меня такой характер, что я обожаю быть учеником. Если я в "Сатириконе" и лидер, то лидер с обязательной поправкой на бесконечное ученичество. Мне это нравится, нравится быть ведомым.

— Как осуществляется процесс влияния новой крови в театральный организм "Сатирикона"? Какими качествами должен обладать молодой актер, чтобы быть принятым в сатириконовскую семью?

— Мои взгляды достаточно банальны — так называемый универсальный актер нужен любому театру. Мне особо необходим энергетичный артист. Мне кажется, что энергетика — одно из важнейших качеств современного актера. Дейст-

вие, даже если оно изысканное и тонкое, но вялотекущее, никуда не годится. Высокомерие сегодняшнего театра часто проявляется через игру актеров. Играют спектакли так, будто их смотрит весь мир, а на самом деле в зале нет никого! А они играют и не замечают этого! Сейчас надо на пупе вертеться уже только для того, чтобы зрители пришли в театр. Надо умереть от стараний, от желания объять их энергией. Многие же театры продолжают жить по старым канонам. Растренированные артисты,

ли, не показали. Они не понимают, как надо играть в наше время. Играют вяло. Нельзя вяло играть. Не вялая сейчас жизнь, а то, что происходит на сцене, вообще не имеет права быть вялым. Иногда, редко, вижу счастливые случаи, когда весь курс нацелен на выигрыш. Я видел такие курсы у Владимира Иванова в Щукинском училище и у Петра Фоменко в РАТИ. Это команды победителей. Они выпускаются, чтобы побеждать. У них есть энергетический стержень, талант, воля к победе.

пройти по кругу мировой драматургии и получить право прикоснуться к Чехову, Тургеневу, Толстому, Гоголю. Мне кажется, что это последний этап сложности. Когда же мы имеем дело с западной классикой, то более свободны, меньше работает инстинкт заповедника.

— Вас совсем не привлекает современная отечественная драматургия?

— Если она выдерживает сравнение с классической, то привлекает. Я как актер отсчитываю от себя. Кого мне больше хочется играть — Шекспира или современного автора? Из современной отечественной и западной драматургии я отдаю предпочтение последней. Объясню, почему. Мне кажется, что наши авторы не умеют так писать, как, скажем, всеми обруганный Слейд. А ведь пьеса "Там же, тогда же" написана мастерски. Это и смешно, и трагично, и поэтично, и изысканно. И очень мускулисто. Мне кажется, что сейчас писать о событиях в нашей стране не имеет смысла. Время переоценочное, масса не объективного, поэтому много нехорошей агрессии. А если смотреть отстраненно, то выясняется, что про все это уже написал Достоевский в "Бесах".

— Проблема выживания стоит перед "Сатириконом"?

— Мы в крайне затруднительном положении. Меньше всего нам помогает государство. Мы почти хозрасчетное предприятие. Дотация, которую я получаю, в 10 — 15 раз меньше той, что мне положена. Я сам ишу деньги, хожу и торгую своим лицом, плачусь. Кто-то меня динамит, но есть люди, которые действительно помогают. Компания "Би Лайн" бескорыстно выделила нам огромные деньги для постановки "Трехгрошовой оперы". Течет крыша, изношено оборудование, актеры получают неприлично мало денег. А есть театры, где их вообще не получают! Я считаю, что если такое существует, то театру приходит конец, потому что если я, как хозяин театра, не выплачиваю вовремя хотя бы те маленькие деньги, которые обязан выплачивать, то и актеры не обязаны выходить на сцену. Должны быть взаимные обязательства, а иначе на чем держаться?

— Что ожидает "Сатирикон" в ближайшем будущем?

— Главным событием предстоящего сезона 1996/97 годов будет юбилей Аркадия Исааковича Райкина, основателя нашего театра, моего отца. 24 октября 1996 года ему исполнилось бы 85 лет. Уникальному Артисту мы и посвящаем премьеру "Трехгрошовой оперы" Б.Брехта. Этим спектаклем откроем новый сезон и отправимся на гастроли в Санкт-Петербург, в город, с которого началась в 1939 году жизнь отцовского "Сатирикона". Таковы ближайшие планы, об остальном пока говорить рано.

Беседу вела
Жанна ФИЛАТОВА

Самую лучшую труппу на сегодняшний день собрал Олег Табаков. На Владимире Машкове и Евгении Миронове можно весь мировой репертуар построить. А там, помимо этих двух, есть еще человек восемь великолепных актеров и очень хорошие актрисы.

— Вы определили масштаб дарования актера, как возможность построить на нем весь мировой репертуар. В "Сатириконе" идут произведения Шекспира, Гольдони, Мольера, Ростана, Брехта. Ваше пристрастие к зарубежной классике является определенной репертуарной политикой театра?

— Да. Русская классика безумно трудна. Это, во-первых. Во-вторых, есть огромное количество охранных организаций, которые любую вольность воспринимают, как выпад и посягательства на святыни. Поэтому для того, чтобы играть русскую классику, а играть мы ее будем обязательно оригинально, необходимо

толстые, обрюзгшие, вальжные, а ведь это волчья профессия. Актеры должны быть поджарые, резкие, натренированные, уметь быстро реагировать, быстро двигаться, атаковать зрительской энергией. Не агрессией, разумеется. Красотой, сентиментальностью, любовью, чем угодно, но обязательно атаковать. А я вижу целые команды, целые курсы, которые сразу же обречены на проигрыш.

— Это вина школы?

— Да, безусловно. Это вина педагогов. Я постоянно отматываю выпускные курсы и довольно часто испытываю величайшую муку. Невозможно видеть узаконенную неправду, поселенную в студентах. Ребята не понимают, что происходит между людьми на сцене. Они изначально лишены ощущения театра, как густка энергии. Зачем их выбрали? Зачем взяли? Это несчастные люди на долгое время! Или способные, но плохо обученные. Не объяснили, не научи-